

нас и истребить до конца, так, чтобы больше не было и речи о христианах в той стране, которая некогда принадлежала им? Действительно, у нас в то время было не более 300 рыцарей и столько же ценных людей для охраны Иерусалима, Иоппе, Рамлы и замка Каифы. Мы едва осмеливались по временам собирать и это войско вместе, чтобы устроить засаду врагу, опасаясь оставить на это время беззащитными те города. Для всякого очевидно, что только одним чудом мы, окруженные тысячами тысяч врагов, могли властвовать над ними, брать с них дань и разорять их грабежом и убийством. Откуда же в нас эта сила, откуда мы почерпаем свою мощь? Нам дал все это тот, кому имя – Всемогущий. Не забывая своего народа, преодолевшего все затруднения для славы его имени и возложившего все упование на него, Он служил ему опорой в годину бедствий. Это Бог, утешавший свой народ временной наградой за его труды и обещавший ему в будущем вечную славу. О, такое время достойно жить в нашей памяти! Часто мы приходили в отчаяние, видя, что из западных стран не являются к нам ни родственники, ни друзья; мы трепетали при мысли, что наши враги, заметив нашу малочисленность, нападут на нас неожиданно, когда только один Бог будет в состоянии подать нам помощь. Впрочем, мы ни в чем не имели бы недостатка, если бы у нас были люди и лошади; но именно по этой причине мы не решались предпринимать никакого похода; если мы иногда и выезжали, то на небольшие расстояния, к Аскалону и Арсуту. Прибывавшие в Иерусалим морем не могли никаким образом брать с собой лошадей, а сухим путем никто не приходил к нам. Антиохийцы не могли нам помочь, и мы со своей стороны не были в состоянии помогать им.

Следует отступление о том, как Танкред передал Каифу и Тивериаду Балдуину, будучи сам призван править Антиохией по случаю плена ее князя Бозмунда.

В это время в Лаодикее провел всю зиму флот итальянцев и генуэзцев, состоявший из шнорных кораблей. Когда эти люди увидели, что весна обещает благоприятное пла-

вание, они пустились в море и при попутном ветре прибыли к Иоппе; король встретил их прибытие с радостью. Так как приближалось время Пасхи, то они не хотели оставаться в этом городе и, вытаскив корабли на берег, отправились с Балдуином в Иерусалим. Все мы пахотились тогда в большом горе, ибо огонь, который обыкновенно сходит с неба в св. субботу на Гроб Господень, нынешний раз не являлся. Относительно этого события ходит много рассказов, но их следует приводить с осторожностью¹.

Так как Бог допускает ежегодно, чтобы накануне Пасхи сходил огонь с неба на Гроб Спасителя и зажигал висевшие над ним лампы, то обыкновенно в этот день все пахотящиеся в монастыре проводят канун Пасхи в молитве и песнопении, ожидая благоговейно, когда небесный огонь будет ниспослан Всевышним. В этом году (1101) и в этот день (то есть в субботу), когда весь храм наполнился народом, патриарх приказал каноникам начать дневную службу около третьего часа дня. Чтение производилось поочередно: сначала читал латин полтавны, а потом грек по-гречески, повторяя с возвышения то, что читал латин. Вдруг в то время, когда каноники служили таким образом службу, незадолго до девятого часа, один из греков, по древнему обычаю, громко зашел, в одном из углов монастыря: «Господи, помилуй!» Все присутствовавшие повторили то же самое и тем же голосом; я, *Фулькерий*, не слышавший никогда подобного пения, и многие другие, для которых все то было также новостью, обратив глаза к небу, поднялись с земли с трепетным ожиданием в сердце. Полагая, что небесный огонь уже зажжет лампы в храме, мы смотрели по сторонам, вверх и вниз, с большим умилением души, но не заметили никакого огня, который бы показался. Между тем грек в третий раз зашел громко: «Господи, помилуй»; все отвечали ему с ужасными криками, повторяя те же слова; потом и он, и другие смолкли, и каноники возобновили прерванную службу. Мы

¹ См. рассказ о том же чуде у русского пилигрима, современного нашему автору, ниже.